

Андрей Ашкеров

Вторая голова орла

Синергетика учит нас о том, что в неравновесных системах, часть может быть больше целого. В теории гетеротопии – от возможности скомпоновать «центр» из того, что им никогда не являлось, зависит эволюция организма или пространства. Не можешь собирать центры из подручных средств, эволюции не видать.

В конструкции Советского Союза было много частей, которые были центральными с точки зрения совершенно определённых моделей развития. Прибалтика, например, играла роль «домашнего» Запада (пусть и агрокультурного), Грузия – роль рынка (скорее в культурном аспекте, нежели в экономическом). Украина была примечательна не тем, что воплощала исток отечественной государственной и религиозной традиции¹. В системе советского мифа амплуа Украины было куда более сложным.

* * *

Во-первых, самая *братская* из всех республик (которые были, как известно, «сёстрами»). Этот статус избранного брата свидетельствовал об особой «семейности» отношений. Но «семейность», как известно, в любую минуту оборачивается «фамильярностью», опека оказывается неотличимой от притеснения, а любимые братья вдруг по неизвестной причине оказываются «младшими». К тому же статус самой братской республики в хороводе «республик сестёр» отдавал некоторой перверсией (без которой, впрочем, и семья – не семья.)

Во-вторых, Украина именовалась «житницей». То есть местом, где родится хлеб, который, как отовсюду свидетельствовали плакаты советского времени, «всему голова». Статус «житницы», однако, являлся двойственным. В официальном регламенте советских ранжиров: «рабочий класс», «колхозное крестьянство», «прослойка интеллигенции», это предполагало почётное *второе* место – крестьянство. А с крестьянством в советском мифе стойко ассоциируются ещё и отсталость («отсталые аграрные страны») – жизнь, сплошь состоящая из одних «пережитков».

Образ крестьянина соединяется в одно целое с образом украинца – получался некий субъект, который и простачок вроде, и чего-то не догоняет, но «себе на уме». И это при том, что, когда «умом» был главный коллектив – партия, оставаться «себе на уме» было если не худшим, то самым подозрительным из «пережитков».

¹ Днепровская купель – вещь, конечно, важная, но больше музейно-мемориальная (даже постановочная, отчасти, потому что князь Владимир являлся, прежде всего, великим постановщиком массовых действий.)

В-третьих, Украина – и это недвусмысленно давало понять сам слово – располагалась у *края*. Это ко многому обязывало: некогда она являлась краем империи, а край империи служит для любой империи *краем* мира. Однако подобная метафизика была куда мене важна, чем геофилософия: в отличие от России, которая была территорией областей, Украина являлась не только краем, но прежде всего *местом* краёв. Области предполагали равномерную административную нарезку, связанную больше с организацией промышленных центров, с отраслевым принципом, прокравшимся в региональное устройство.

Несмотря на то, что УССР, как и РСФСР, формально состояла из областей, а в самой РСФСР были свои края (например, Алтайский), Украина являлась территориальным образованием, в котором края были цветущими, а сама краевая идентичность – расцветала майским садом. Это цветение было проявлением местных условий, мест, местечек. Этот реванш «местных особенностей» содержал отсылку к Запорожской Сечи, к Одессе, а после присоединения Западной Украины – и к Львову.

Места выдвигали своих «*гениев*» (которые, как, например, тот же Хрущёв, вполне могли оказываться и злодеями.) Места требовали более подходящей для них *государственно-политической карты* – с этим связано, в том числе, такое нечастое для советской истории событие, как перенесение столицы (в 1934 году этот статус Харьков уступил Киеву, вернув его в 1943, во время войны.) Места негласно предоставляли украинцу стародавний набор привилегий *коренного жителя*. Места обозначали ответ *географического детерминизма* на общепринятый официальный экономический детерминизм.

* * *

Столь подробный разбор мифологии советской Украины связан отнюдь не с архивным интересом. Вся украинская история после 1991 года была в строгом смысле слова «постсоветской». Украина не рискнула обозначить никакой самостоятельной политики, кроме начатой с двадцатых годов прошлого века и санкционированной Лениным советской политики «*украинизации*».

Большое видится на расстоянии и, по истечению времени, не остаётся сомнений, что итогом украинизации уже после ВОВ стало не только превращение Украинской ССР в *полноправного члена ООН*, но и *бандеровское подполье*. Строительство национального государства «сверху» спровоцировало предсказуемый асимметричный ответ «снизу». То, что этот ответ не вписывался в представления советской идеологии о «национально-освободительных движениях», было проблемой, скорее, уже для советской идеологии.

При этом современная Украина верна советской идеологии больше, чем хотели бы признаться её официальные и оппозиционные лидеры, полагающие, что отдали советское наследство на откуп коммунистам. Всё, что происходит на Украине, является продолжением советского эксперимента с нацбилдингом «окраин» (Украина в советской логике – самая образцовая и передовая именно из «окраин»). И это касается не только политики украинских президентов, начиная с Кравчука, но и *двух Майданов* – 2004 года и нынешнего.

«Любимый» брат обнаружил любовь к себе как попытку предъявить по отношению к нему права Старшего брата, норовящего выступить в роли соглядата и держиморды. Статус советской Украины как неформального «оплота крестьянства» обернулся главным национальным мифом сегодняшнего украинского сознания – «голодомором». Цветущий край краёв превратился в отколовшийся материк, который не знает, как организовать и куда направить свой дрейф. Точнее, материк «Украина» дрейфует не в одном направлении – от России к Европе, а, по-шизофренически, *сразу в двух*. Ускоренное движение к Европе вызывает ускоренное возвращение к России. И наоборот.

* * *

Остаётся только один вопрос. *Что делать с этим дрейфом России?*

Прежде всего, России не нужно согласовывать свою украинскую политику с шизофреническим дрейфом материка «Украина», желающей использовать роль Младшего брата одновременно как упрёк (только ли России?) и как предмет торга (только ли с Западом?).

Дальше сложнее. России стоит разобраться в той роли, которую играла Украина в советском прошлом (при том, что советское прошлое – это, к чему даже самые отвязные из антисоветских идеологов до сих норовят припасть как к «чистому истоку» и «прекрасному-далёко») Так вот, весь хрущёвско-брежневский период советской истории был украинским. И не только потому, что товарищи Хрущёв и Брежнев были с Украины, но ещё и потому, что это был период вроде бы не бросающегося в глаза, но очень ощутимого, тем не менее, *превалирования украинского «края» над русской, да и российской «областью»*.

Попытка реорганизовать всё советское пространство в логике «края» составляла главную из реформ Никиты Сергеевича, стоившую ему должности. И не потому что «не получилось», а потому, что превалирование «края» над «областью» и должно было быть неофициальным, не опирающимся на публичные формы и формальность институтов. Собственно, в этом качестве оно и стало всем тем, что мы знаем как блеск и торжество брежневского застоя.

Дальше – почти криминальная история: Брежнева, когда тот собирался огласить имя «украинского» преемника Щербицкого, устраняет Андропов. Можно верить в неё или не верить (я, кстати, верю, потому что немощный старик и почти идеальное алиби.) Наступает андроповщина с попыткой создать «новый Советский Союз, «только со штатами». Потом горбачёвская «перестройка» и ельцинские «преобразования» – в обоих случаях реванш «областного» принципа над краевым, «перед реформами, как перед Богом, все равны».

Если сегодняшняя путинская Россия и является андроповской, то прежде всего потому, что это тоже никакой не край, а поставленная на попу, вертикально («вертикаль власти») область. Отсюда – несколько ревностное отношение к Украине. Как к краю, который, как водится, «недоступен». А значит должен быть возвращён в мир «областей», теперь уже экономическими средствами, «так эффективнее».

Альтернативой этому может быть только уход от завещанного Брежневым курса «ограниченного суверенитета». Украина должна восприниматься как «другая Россия». И не только восприниматься, но и – вопреки протухшей украинизации – *создаваться* в этом качестве. Как альтер-эго. Как дополнительный ключ к ларцу российского суверенитета. *Как вторая голова двухглавого орла, вечно глядящая на Запад.*